

В тусклом свете напиток в бокале рассыпался мелкими бликами.

Чу И сидел у барной стойки и сделал небольшой глоток.

Вопреки своему насыщенному виду, напиток оказался ужасно кислым. Лицо Чу И тут же неудержимо скривилось.

Рядом раздался смех.

Чу И поднял голову, встретился взглядом с Тао Хун и, увидев, как та веселится, беспомощно протянул:

— Сестра Тао...

— Ой, да кто я теперь такая, чтобы ты называл меня сестрой? — Тао Хун подняла свой бокал и нарочно заговорила язвительно. — Большой босс Чу, теперь уж мне впору звать тебя старшим братом.

Чу И покачал головой, не стал подхватывать и обратился к бармену за стойкой:

— Замени. Невкусно.

— Не смей ему менять! — тут же бросила Тао Хун.

Бармен застыл, не зная, что делать, и посмотрел на Чу И.

Тао Хун действительно злилась.

Она понимала, что Тао Люю наказания не избежать, но не ожидала, что всё окажется настолько серьёзно.

Когда она пришла к брату в больницу, его с ног до головы обмотали толстыми бинтами, как мумию. Наружу торчали только два глаза и рот, через который он ещё мог дышать.

Врач сказал, что повреждены и кости, и внутренние органы. В обозримом будущем больница станет его домом.

Чу И вздохнул и поставил бокал.

— Сестра, я уже сделал всё, что мог. Что до Тао Люя... такой исход и так оказался неожиданно

удачным.

Настоящие столичные аристократические семьи никогда не замечали насекомых из квартала красных фонарей.

Если насекомое мешалось под ногами, его просто раздавливали — и даже подошву вытирать не считали нужным.

Если честно, нынешний результат полностью превзошёл ожидания Чу И.

Он поднял бокал с напитком, от кислоты которого сводило зубы, и сделал ещё маленький глоток, позволяя терпкой кислинке раздражать нервы, пока мысли метались в голове.

Судя по тому, что было в отдельной комнате в тот день, Хэ Сянчэнь — ещё неизвестно, но неприязнь Цинь Чуаньцы к нему уже была написана прямо на лице.

Ни у него, ни у Сюй Мана точно не было такого влияния, чтобы господин Цинь, смотрящий на всех сверху вниз, проявил милосердие из уважения к ним.

Скорее всего, босс Хэ всё же замолвил за них пару слов.

Чу И опустил глаза. Меж бровей проступило трудноописуемое раздражение.

Он никак не мог понять, чем именно успел не угодить этому господину Циню.

ТЬфу.

Оставалось надеяться, что Цинь просто забудет о нём, закроет вопрос и поскорее увезёт своих людей обратно в столицу. И больше, мать его, не появится.

Увидев, как Чу И хмурится, Тао Хун решила, что тот всё ещё злится из-за её недавнего поведения.

Она махнула бармену, разрешая заменить напиток.

— Всё, хватит. Я пошутила. Не ходи с таким лицом.

Чу И на мгновение замер, затем понял причину, посмотрел на Тао Хун и улыбнулся:

— Сестра Тао, не подумай. Я о другом задумался, ничего такого... Ты же знаешь: пока ты

первой не поднимешь на меня руку, я на тебя не разозлюсь.

Когда он только начал крутиться в этом мире, если бы Тао Хун не приютила его на два месяца и не дала горячей еды, Чу И, возможно, давно умер бы с голоду где-нибудь в закоулке. До сегодняшнего положения он бы точно не дожил.

Он никогда не говорил об этом вслух, но эту доброту помнил всегда.

Тао Хун смотрела на него немного рассеянно. В глубине глаз, за привычной расчётливостью и жёсткостью, теперь проступила усталость, которую она уже не могла скрыть.

Она села рядом с Чу И, провела длинными пальцами по волосам и глубоко выдохнула.

— Я уже старая. Нет во мне прежнего запала. — Она говорила тихо. — Раньше я дралась за территорию и отжимала бизнес, чтобы моих братьев и сестёр никто не смел обижать. А теперь... мне почти пятьдесят. Хочется уже просто спокойствия.

Чем сильнее становились Сюй Ман и Чу И, тем отчётливее она чувствовала собственное бессилие. Сама не заметила, как начала невольно оглядываться на их реакцию.

Теперь у неё отняли столько собственности. Конечно, было больно, но не настолько, чтобы всё рухнуло.

Чу И кивнул:

— Я знаю.

Тао Хун повернула голову и внимательно оглядела сидевшего рядом мужчину.

Бармен уже поставил перед ним новый напиток, янтарного цвета. Чу И попробовал и удовлетворённо чуть улыбнулся.

Свет очерчивал жёсткие линии его профиля, и на мгновение перед ней будто наложились друг на друга нынешний мужчина и семнадцатилетний мальчишка, весь в ранах.

Чу И почувствовал её взгляд и с недоумением повернул голову:

— Что такое, сестра?

Тао Хун молчала несколько секунд. В глазах женщины, повидавшей слишком многое в этом мире страстей, смешались сложные чувства.

— Раз уж ты всё ещё зовёшь меня сестрой, — медленно произнесла она, отчётливо выговаривая каждое слово, — я кое-что тебе скажу. И ты обязан меня услышать.

Теперь Чу И действительно растерялся.

Но Тао Хун не смотрела на него. Её взгляд снова скользнул по рядам разноцветных бутылок за стойкой.

— Вы с Бай Чжици уже три года как женаты, верно?

При имени Бай Чжици пальцы Чу И, державшие бокал, едва заметно дрогнули.

— Что ты о нём думаешь? — спросила Тао Хун.

Чу И молчал, и она продолжила:

— Похоже, всё ещё очень любишь.

Чу И ответил низким голосом:

— Да. Он хороший.

— Хороший?

Тао Хун словно услышала величайшую шутку и фыркнула.

А затем улыбка мгновенно исчезла с её лица, голос стал холодным и ровным.

— Ни хрена он не хороший.

— Перестань его любить. Разводись.

— Сестра Тао! — лицо Чу И мгновенно изменилось.

Тао Хун резко повернулась и впилась в него жёстким взглядом:

— Мои люди не раз видели, как он садился в машину к одному и тому же альфе. Машина та же, человек тот же. Он тебе изменяет, Чу И!

У Чу И на мгновение даже остановилось дыхание.

Он молчал, губы плотно сжались в тонкую линию.

— ...Это недоразумение, — наконец выговорил он. Голос был лёгким, как перо.

Тао Хун посмотрела на него и вдруг всё поняла.

Она неверяще расширила глаза, и тут же в ней вспыхнул ещё больший гнев.

— Ха! — Она несколько раз холодно рассмеялась от ярости. — Так ты... ты всё знаешь!

Она снова и снова кивала, указывая на Чу И дрожащим пальцем:

— Молодец. Вот молодец, Чу И. Ты и правда умеешь себя унижать!

Когда подчинённые рассказали ей, Тао Хун долго размышляла, говорить ли Чу И.

Она слишком хорошо знала, насколько он теряет голову из-за Бай Чжици, и боялась, что если неудачно подать эту новость, то только испортит их отношения.

И что в итоге?

Да ему вообще не нужно, чтобы она вмешивалась! Он сам прекрасно всё знает!

Тао Хун почувствовала, как кровь ударила в голову. Разговаривать с ним больше не хотелось ни слова. Она отвернулась и в одиночку стала мрачно пить.

Чу И тоже не заговорил.

Даже оглушительная музыка бара не могла скрыть тяжёлой атмосферы вокруг них.

...

Поздно вечером Чу И вернулся домой. Внутри было темно, холодно и пусто.

Бай Чжици ещё не пришёл.

Сначала Чу И принял душ, смывая с себя запах алкоголя.

Когда он вышел, вытирая волосы, то посмотрел на настенные часы. Стрелка уже показывала одиннадцать, но дома по-прежнему никого не было.

Он взял телефон и набрал Бай Чжици.

— Ту-ту-ту...

«Извините, вызываемый абонент временно не отвечает...»

Чу И сбросил и позвонил снова.

В ответ опять прозвучал холодный женский голос системы.

Раньше на этом он бы остановился.

Он всегда боялся показаться Бай Чжици слишком навязчивым, слишком прилипчивым.

Но сегодня — возможно, из-за слов Тао Хун, а может, из-за выпитого — он был необычайно упрям.

Бай Чжици не отвечал, и Чу И продолжал звонить.

Третий, четвёртый... двадцатый...

Когда он сделал уже больше пятидесяти звонков, а в трубке по-прежнему звучало то же знакомое сообщение, Чу И наконец сдался.

Он бессильно бросил телефон на диван и сам глубоко в него провалился.

Как же это жалко.

Глаза неудержимо защипало, они покраснели.

Альфа, который довёл себя до такого состояния из-за того, вернётся партнёр домой или нет, — настоящее ничтожество.

Так он и сидел в темноте, ожидая Бай Чжици.

Щёлк.

Тихо повернулся дверной замок.

<http://bllate.org/book/19828/1952585>